

КАПИТАН М

ЗА КУЛИСАМИ

Капитан М.
За кулисами

«Автор»

2026

М. К.

За кулисами / К. М. — «Автор», 2026

На съемочной площадке происходит захват заложников группой хорошо вооруженных террористов. Среди пленников — звезда кино Артур Ставинский и съемочная группа. Единственный, кто может противостоять захватчикам — каскадёр Вадим, годами исполнявший опасные трюки за кинозвезду. Когда террористы врываются на площадку, Вадим, используя свой опыт работы с пиротехникой и трюками, начинает собственную операцию по спасению людей. Превращая съемочную площадку в поле боя, он вступает в смертельную схватку с захватчиками, чтобы защитить тех, кого мир кино всегда оставлял в тени.

© М. К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последний дубль	5
Глава 2. Тени и искры	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Капитан М. За кулисами

Глава 1. Последний дубль

Солнце палило нещадно, превращая асфальт заброшенного завода в вязкое черное зеркало, дрожащее от жара. Вадим стоял в тени ржавой эстакады и смотрел, как гримеры в последний раз припудривают холеное лицо Артура Ставинского. Звезда. Наричательное имя, лицо с обложек, идол миллионов. Сейчас этот идол нервно одергивал рукав дорогого, стилизованного под военную форму костюма и брезгливо морщился, когда визажист касалась его скулы кисточкой.

— Артур, милый, еще секунду, — проворковала девушка, ловко убирая несуществующий блеск с носа актера.

— Быстрее, — процедил Ставинский, не глядя на нее. Его взгляд был устремлен куда-то поверх голов, туда, где суетилась съемочная группа, где грохотали генераторы и где ассистенты, как муравьи, таскали тяжелые кабели. — У меня самолет через шесть часов. Я не могу торчать здесь весь день из-за того, что у кого-то там что-то не готово.

Вадим усмехнулся про себя, но лицо его осталось каменным. Он стоял чуть поодаль, одетый в точно такой же костюм, что и Ставинский. Только на Артуре он сидел как влитой, подчеркивая широкие плечи и узкую талию, а на Вадиме висел мешковато, скрывая под собой не показную мускулатуру, а жилистое, перевитое сухожилиями тело человека, который привык к ежедневной боли. Тело, которое было расходным материалом. Тело, которым платили за славу Ставинского.

— Вадик, подойди! — раздался зычный голос режиссера, Германа Борисовича, человека с вечно воспаленными от недосыпа глазами и манерами шкипера в шторм. — И ты, звезда наша ненаглядная, тоже, — добавил он с плохо скрываемой иронией.

Вадим неторопливо, вразвалочку, подошел к режиссерскому креслу, которое возвышалось над площадкой, словно трон. Герман Борисович, невысокий, кряжистый, с седой щетиной на впалых щеках, ткнул пальцем в планшет с раскадровкой.

— Значит, так. Сцена тридцать седьмая, финальный рывок. Артур, ты бежишь от главного злодея по этому пролету, — он указал на бетонную дорогу, ведущую к полуразрушенному цеху. — За тобой — взрывная волна. Пиротехники заложили пять зарядов. Потом ты добегаешь до старого конвейера, и тут же, — он перевел палец на другую часть схемы, — тебя накрывает второй волной. Земля уходит из-под ног, все в дыму и пламени. Красиво. Затем ты встаешь, отряхиваешься, поправляешь воротник и идешь дальше, потому что герой не сдается. Понял? — Он поднял глаза на актера.

— А почему я должен падать? — тут же нахмурился Ставинский. — Это выглядит как-то... негероично. Может, пусть он просто пройдет сквозь взрыв? Красиво, в замедленной съемке?

Герман Борисович тяжело вздохнул, и Вадим буквально почувствовал, как волна раздражения исходит от режиссера.

— Артур, это боевик. Зритель должен видеть угрозу. Герой должен преодолевать. Падение — это преодоление. Не спорь.

— Ну, хорошо, — нехотя согласился Ставинский. — Но пусть он упадет красиво. Не мешком каким-нибудь. И чтобы костюм не испачкался.

Герман Борисович, не удостоив его ответом, перевел взгляд на Вадима.

— Твоя задача, — заговорил он, и голос его стал на тон ниже, деловитее, — как обычно. Отработать проход. Падение должно быть эффектным, но безопасным. Ты знаешь схему. Пиротехника стандартная. Вторая волна — под ноги, в трех метрах. Не ссы, боевая нагрузка меньше, чем вчера.

— Я понял, — коротко ответил Вадим.

Он знал. Он все всегда знал. Знал, где будет огненный шар, как ляжет взрывная волна, куда полетят осколки фанерных декораций. Он знал, как сгруппироваться, чтобы не сломать руку, как упасть, чтобы не отбить внутренности, и как выглядеть при этом так, будто его швырнуло невидимой силой. Он был невидимкой. Он был человеком, который делает всю работу, а потом исчезает в тени, пока на экране сияет лицо Ставинского.

Съемки этого фильма тянулись уже четыре месяца. Четыре месяца Вадим каждое утро натягивал костюм супергероя, подставлял спину под взрывы, прыгал с крыш, горел, падал, дрался с каскадерами, играющими злодеев, и каждое утро слышал, как Ставинский в своем трейлере с кондиционером жалуется на тяжелую актерскую долю. Четыре месяца он молча сжимал кулаки, когда видел, как на постерах будущего блокбастера красуется самодовольная физиономия Артура, а не его, Вадима, разбитая в кровь скула. Четыре месяца он откладывал деньги, чтобы раз и навсегда завязать с этим миром иллюзий, где за реальный риск платят гроши, а за красивую обертку — миллионы.

Это был его последний съемочный день. Крайний срок, который он сам себе поставил. Терпеть эту несправедливость больше не было сил. Он решил, что уйдет сразу после того, как Герман Борисович крикнет: «Снято!». Уйдет красиво, хлопнув дверью, или молча, растворившись в клубах бутафорского дыма, как призрак. Он хотел уйти, не оглядываясь, с чувством собственного достоинства, которое здесь, на площадке, топтали ежедневно.

— Все по местам! — заорал помощник режиссера, взмахнув мегафоном.

Площадка пришла в движение. Операторы заняли свои точки. Осветители в последний раз поправили софиты, бросая резкие тени на ржавые конструкции. Звукорежиссер, закрыв глаза, сосредоточенно вслушивался в гул генераторов, вылавливая посторонние шумы. Гримеры суетились вокруг Ставинского, словно жрицы вокруг алтаря.

Вадим отошел на исходную позицию, туда, где начинался длинный пролет. Он размял шею, хрустнув позвонками, и несколько раз подпрыгнул, проверяя амортизацию коленей. Его мир сузился до размеров бетонной дорожки. Пиротехнические заряды, аккуратно разложенные, были его ориентирами. Он знал тайминги до миллисекунды. Первый взрыв — через две секунды после старта. Второй — еще через полторы. Он должен был бежать не слишком быстро, чтобы не уйти от взрывной волны, и не слишком медленно, чтобы не оказаться в эпицентре. Это был танец со смертью, поставленный по секундомеру.

— Внимание! Тишина на площадке! — снова раздался крик. — Приготовились к дублю!

Ставинский, лениво потягиваясь, встал рядом с Вадимом, но так, чтобы его было видно камере, стоящей на дальнем плане.

— Давай, тезка, — прошептал он, с ухмылкой глядя на Вадима. — Сделай так, чтобы я выглядел героем. — В его голосе была издевка, и Вадим на мгновение поймал его взгляд. Взгляд, полный презрения к человеку, который вот-вот рискнет жизнью ради его мифической картинки.

Вадим ничего не ответил. Он только глубоко вздохнул, наполняя легкие горячим воздухом, пропитанным запахом бензина и пыли. Пора.

— Мотор! Начали!

Звук хлопнушки, как выстрел, разорвал воздух. Вадим сорвался с места. Он бежал не просто быстро — он бежал с той контролируемой, звериной грацией, которая заставляла дублеров выглядеть на экране опаснее самих героев. Взгляд его был устремлен вперед, в спасительную тень цеха, но периферийным зрением он отслеживал шнур первого заряда.

Грохнуло. Яркая вспышка слева, жаркая волна толкнула в бок, заставив пошатнуться, но не сбить темп. Он знал, что камера берет его в этот момент крупным планом, выхватывая искаженное усилием лицо. Он добавил бегу драматизма, чуть замедлившись, чтобы волна как бы «догнала» его.

Второй взрыв был мощнее. Земля под ногами вздрогнула, в воздух взметнулся фонтан серого цементного крошева и оранжевого пламени. Вадим, подчиняясь отработанному до автоматизма импульсу, позволил своему телу «сломаться». Он совершил эффектный кувырок через плечо, проехался по бетону, чувствуя, как острые камешки впиваются в ткань костюма, и замер в облаке дыма, на мгновение превратившись в неподвижную фигуру на фоне бушующего огня. Это был кадр для постера. Кадр, который войдет в историю кино. И все будут думать, что это Ставинский.

— Стоп! Снято! — раздался восторженный крик Германа Борисовича. — Идеально! Просто блеск! Артур, твой профиль в дыму — это нечто!

Ставинский, который все это время стоял в безопасном укрытии за камерой, лишь самодовольно улыбнулся. Он не бегал, не падал. Его «работа» начнется позже, в студии, где ему на лицо наклеят цифровую версию грима, а потом монтажеры склеят его крупные планы с общим планом падения Вадима.

Вадим медленно поднялся, отряхивая с костюма пыль и мелкие осколки. Правое плечо неприятно ныло. Он посмотрел на свои руки — ладони были сбиты в кровь. Привычное дело. Он никогда не носил перчатки, считая, что это лишает трюк достоверности. Каждая царапина была его подписью под работой, которую припишут другому.

Он медленно побрел к трейлеру с медицинским крестом, чтобы обработать ссадины, когда его окликнула Марина, второй режиссер, молодая женщина с усталыми, но добрыми глазами.

— Вадим, постой, — она подбежала к нему, запыхавшись. — Герман Борисович просил передать, что ты сегодня был просто неподражаем. Он говорит, это лучший трюк за всю его карьеру. Жаль, что... — она осеклась, виновато отведя взгляд.

— Жаль, что лицом в этом кадре будет Артур? — спокойно закончил за нее Вадим. — Я знаю. Мне не нужно напоминать об этом, Марин. Я и так каждое утро вижу это лицо в зеркале и не узнаю его.

Она сочувственно коснулась его предплечья.

— Ты лучший, Вадим. Все это знают. И Ставинский знает. Поэтому он так с тобой и разговаривает. Он боится тебя.

— Ему нечего бояться, — усмехнулся Вадим. — После сегодняшнего он может вздохнуть спокойно. Я исчезну.

Марина удивленно посмотрела на него.

— Ты что, решил уйти?

— Решил. Это мой последний день. Хватит.

В этот момент со стороны въезда на территорию завода послышался странный шум. Вадим обернулся. К главным воротам, поднимая клубы пыли, приближалась колонна из трех черных внедорожников. Они ехали быстро, не сбавляя скорости, не обращая внимания на знаки «Осторожно, съемки» и машущих руками охранников.

— Кого это еще принесло? — нахмурилась Марина. — Никакого приезда не было запланировано. Может, продюсеры?

Внедорожники, визжа тормозами, ворвались на площадку. Из первой машины, не дожидаясь полной остановки, выскочили четверо мужчин в черном обмундировании, с автоматическим оружием наперевес. Их лица были скрыты за вязаными масками с прорезями для глаз. Они действовали быстро и слаженно, словно репетировали эту сцену сотни раз.

— Всем стоять! Не двигаться! — раздался гортанный, усиленный громкоговорителем голос из второго внедорожника. — Это захват! Всем оставаться на своих местах!

На площадке повисла звенящая тишина. Она была настолько плотной, что Вадим услышал стук собственного сердца. Кто-то из девушек-гримеров истошно взвизгнул. Ассистент оператора, парень лет двадцати, побледнел и начал медленно оседать на землю.

— Они что, шутят? — нервно хихикнул кто-то за спиной Вадима. — Это новый перформанс? Может, сцену снимаем? Где камеры?

Вадим не думал, что это шутка. Его взгляд, натренированный за годы работы с оружием, пусть и бутафорским, мгновенно оценил хватку, стойку, манеру двигаться. Эти люди не были актерами. Они были профессионалами. Настоящими. От них исходила волна ледяной, абсолютной уверенности.

— Я сказал, тишина! — снова проревел голос. Из второго внедорожника вышел коренастый человек без маски. Его лицо с резкими, будто высеченными из камня чертами, не выражало никаких эмоций. Короткий ежик седых волос и холодные, почти бесцветные глаза. На поясе — кобура с пистолетом, на груди — разгрузка с запасными магазинами. — Кто здесь главный?

Вперед, запинаясь, вышел Герман Борисович. Его режиссерская бравада испарилась, обнажив растерянного пожилого человека.

— Я... я режиссер. Герман Борисович. В чем дело? Это какая-то ошибка. У нас разрешение на съемки, у нас все легально...

— Заткнись, — спокойно оборвал его седой. — Меня не интересуют твои бумажки. Где ваши камеры? Сколько их?

— Камеры? — непонимающе переспросил Герман Борисович. — У нас их... пять, может шесть основных...

— Отлично, — седой кивнул, и один из боевиков, достав из кармана какой-то прибор, принялся обходить площадку, направляя его на людей. — Значит, вы будете транслировать все в прямом эфире. По всем вашим каналам.

Только сейчас Вадим заметил, что на нескольких боевиках закреплены компактные нашлемные камеры. Он понял, что это за прибор — глушилка. Эти люди не собирались оставлять свидетелей. Они хотели шоу. Кровавого шоу, поставленного на их условиях.

— Что вам нужно? Деньги? — дрожащим голосом спросил продюсер, выступивший вперед. Толстячок с потным лицом, до этого момента прятавшийся за спинами осветителей.

Седой улыбнулся. Улыбка вышла жуткой, больше похожей на оскал.

— Нам нужен мир. И мы возьмем его, показав, что ваша хваленая безопасность — пшик. А вы, люди кино, станете нашими операторами. Вы будете снимать то, что мы скажем. И весь мир будет смотреть.

Вадим медленно, не делая резких движений, попятился в тень эстакады. Его мозг, привыкший к оценке рисков, работал с бешеной скоростью. Оценивал количество противников, их позиции, сектора обстрела. Шесть человек в поле зрения. Еще минимум два-три остались в машинах. У каждого автоматическое оружие. У седого, судя по тому, как он держится, тоже большой опыт.

Террористы начали сгонять людей в центр площадки, в открытое пространство перед недостроенным цехом. Крики, плач, мольбы о пощаде слились в один отчаянный хор. Операторов заставили под угрозой оружия развернуть камеры и начать трансляцию.

Вадим продолжал отступать, используя каждый уступ, каждую тень. Его сердце колотилось где-то в горле, но разум оставался холодным. Он видел, как двое боевиков вяжут руки Герману Борисовичу. Как Ставинского, бледного, с трясущимися губами, выталкивают из-за декораций, где он тщетно пытался спрятаться. Как Марина, закрывая лицо руками, плачет, прижавшись к плечу звукорежиссера.

Все это было похоже на дешевый боевик категории «Б», который снимал бы начинающий режиссер. Но только здесь кровь была настоящей. И пахло все настоящим. Пахло страхом. Потом. И смертью.

Вадим знал, что у него есть несколько секунд. Может быть, минута. Пока террористы заняты организацией своей трансляции, пока их внимание рассеяно, он мог попытаться скрыться. Добраться до реквизиторского трейлера, где лежало оружие. Бутафорское, но выглядящее как настоящее. Или до склада пиротехники, где еще оставались заряды. Он знал эту площадку как свои пять пальцев. Каждый угол, каждый проход, каждый кабель. Это было его единственное преимущество.

Он нырнул за ржавую цистерну и на мгновение остановился, чтобы оценить обстановку. Его взгляд упал на брошенный на земле реквизит — специальный костюм для имитации горения, перчатки с кевларовым покрытием и моток стального троса, оставленный декораторами. Он все еще был одет в костюм супергероя, который был его второй кожей на протяжении четырех месяцев. Защитный, пусть и бутафорский, он все же давал некоторую иллюзию брони.

В этот момент он услышал голос седого, доносившийся из динамиков мегафона:

— ...а теперь, для поднятия рейтинга, мы казним одного заложника. В прямом эфире. Может быть, вашего знаменитого актера? — Террорист смотрел прямо на Ставинского, который, казалось, сейчас потеряет сознание.

Вадим выглянул из своего укрытия. Он увидел, как боевик грубо схватил Артура за шкуру и выволок его в центр импровизированной «сцены». Актер вяло сопротивлялся, его лицо было искажено гримасой ужаса, дорогой костюм порван на рукаве.

Он, Вадим, должен был что-то сделать. Или уйти. Уйти прямо сейчас, пока есть шанс. Скрыться среди ржавых эстакад и рвануть к черту этот город. Он не герой. Герой — Ставинский. Пусть он и выкручивается. Эта мысль вспыхнула в мозгу, обжигая своей предательской простотой.

Но другая, более глубокая и сильная мысль, взломала эту защитную оболочку. Он не мог уйти. Не потому, что был благородным рыцарем. А потому что он был здесь. И он был единственным, кто знал, как все устроено. Единственным, кто мог превратить эту съемочную площадку в поле боя.

Он посмотрел на свои руки. Сбитые ладони все еще кровоточили. Он сжал их в кулаки, чувствуя тупую, пульсирующую боль. Боль отрезвляла.

Это его последний трюк. Самый сложный и самый опасный в его жизни. Трюк без дублей. Трюк, в котором нет права на ошибку. И, возможно, впервые в жизни, его лицо не будет скрыто за чужим.

Герман Борисович, кажется, умолял о пощаде. Террористы смеялись. Их камеры, словно злые глаза, смотрели на сцену. Они не знали, кто стоит в тени. Они видели только испуганных, безликих жертв. Они не знали, что один из них — не жертва. Он — каскадер. Человек, который заставлял зрителей верить в невозможное.

Вадим сделал глубокий вдох. Воздух пах дымом и озоном. Запах сцены. Его сцены.

Он начал действовать.

Первым делом — связь. Он заметил, что рация у одного из боевиков висит на поясе, на ремне, чуть сзади. Это была ошибка, непростительная для профессионала. Но, видимо, эти люди не ожидали сопротивления. Они ждали покорности.

Вадим, пригнувшись, перебежал к груде декораций, изображающей разрушенную стену. Он подхватил с земли кусок арматуры. Тяжелый, холодный. Не бутафорский. Настоящий. Его оставили строители, возводившие эту фальшивую стену.

Он выглянул. Двое террористов стояли спиной к нему, наблюдая за тем, как их командир вещает в камеру. Третий ушел в сторону трейлеров, вероятно, искать кого-то из спрятавшихся. Четвертый, с прибором глушения, стоял на дальнем краю площадки.

Вадим прикинул дистанцию. До боевика с рацией было около пятнадцати метров. Открытое пространство. Слишком рискованно. Нужно было ждать. Но ждать он не мог. Каждая секунда промедления могла стоить жизни кому-то из группы.

Он перевел взгляд на пиротехнический склад — небольшой брезентовый тент, огороженный сигнальной лентой. Туда стекались провода от пульта управления, который остался у пиротехника. Пульт валялся на земле, возле режиссерского кресла, рядом с опрокинутой в суматохе хлопушкой. До пульта было ближе.

Идея пришла мгновенно. Она была безумной. Но других не было.

Он рванул к пульту, петляя между ящиками с реквизитом. Добежал. Схватил тяжелый металлический корпус. Тумблеры, кнопки, индикаторы. Он знал эту модель. Сам помогал ее настраивать. Пять каналов. Пять зарядов, оставшихся после съемок. Они еще не разряжены. Пиротехник, старый перфекционист, всегда оставлял резерв на случай пересъемки.

Вадим нажал кнопку активации. Пульт тихо загудел. До боевика с рацией было все еще далеко. Но у него было другое оружие. Звук.

Он нажал на тумблер первого канала.

Взрыв! Глухой, мощный, он разорвал воздух в противоположном конце площадки, там, где остался незадействованный бутафорский грузовик. Столб огня и дыма взметнулся в небо.

Эффект был мгновенным. Террористы, как по команде, инстинктивно пригнулись и повернули головы в сторону взрыва. Этого секундного замешательства Вадиму хватило. Он выскочил из укрытия и бросился к боевику с рацией. Не как бегун, а как пантера. Бесшумно и смертельно.

Он атаковал со спины. Удар арматурой по запястью, держащему оружие. Хруст кости. Дикий вопль, заглушенный взрывом. Второй удар, тупым концом в основание черепа. Тело обмякло. Вадим подхватил его, как куклу, и оттащил за контейнер с проводами.

Он забрал автомат. Настоящий, тяжелый. Забрал рацию. Надел наушник. В эфире — тихий треск. Он выдохнул.

Всего один выведен из строя. Осталось, по его подсчетам, еще восемь или девять. Но теперь у него было оружие. И у них все еще не было страха.

Он выглянул. Паника на площадке нарастала. Террористы орали друг на друга, выясняя, что произошло. Седой отдавал короткие, резкие команды. Заложники воспользовались суматохой, чтобы сбиться в кучу и присесть.

Вадим поймал взгляд Марины. Она, вся в слезах, смотрела в его сторону. Ее глаза расширились, когда она узнала его силуэт. Он приложил палец к губам. Она едва заметно кивнула и что-то быстро зашептала на ухо сидящему рядом оператору.

В рации раздался голос седого:

— Группа два, проверить периметр. Кто-то из заложников сбежал. Найти и уничтожить. Без суеты.

Вадим улыбнулся. Впервые за долгое время улыбка была хищной.

— Ребята, — прошептал он, глядя на суетящихся в дыму террористов. — Вы пришли снимать свое кино. Но вы не знаете сценария.

Он передернул затвор. Металлический лязг прозвучал как точка в конце предложения.

— Добро пожаловать на мою площадку. Он отполз в тень старой компрессорной станции, тяжело дыша, но не от усталости — от выброса адреналина, который горячей волной прокатился по позвоночнику. Раньше он испытывал это перед сложным трюком, когда страх, азарт и холодный расчёт сплетались в тугой узел в солнечном сплетении. Сейчас всё было иначе. Сейчас на кону стояла не зарплата, не признание, не строчка в титрах. На кону стояла жизнь — его и тех людей, что сбились в испуганное стадо в сорока метрах отсюда.

Он быстро осмотрел трофейный автомат. Короткоствольная штурмовая винтовка без опознавательных знаков. Магазин снаряжен. Ещё два запасных — в разгрузке убитого.

Патроны настоящие, тяжёлые, с медным отливом. Он никогда не стрелял боевыми, только холостыми, и это было слабое место, но отступать некуда.

В наушнике снова затрещало. Голос седого, сухой, как наждак:

— Третий, ответь. Что у тебя?

Вадим нажал на тангенту, поднеся рацию к губам. Он знал, что его голос прозвучит искажённо из-за шума, к тому же седой вряд ли ожидает, что его человек уже мёртв. Нужно было тянуть время.

— Чисто, — коротко и неразборчиво буркнул он, наполовину прикрыв динамик ладонью.

— Проверь восточный сектор, — приказал седой. — Там, за складом, кто-то шевелился.

Вадим усмехнулся. Склад — это его царство. Он сам помогал разгружать туда реквизит для финальной сцены: тросы, карабины, пиротехнические заряды, бутафорские гранаты. Он двинулся в ту сторону, но не для того, чтобы проверять. Ему нужно было попасть туда раньше, чем туда же придут настоящие террористы.

Пригибаясь, он пересек полосу открытого пространства, используя как прикрытие остов сгоревшего автобуса, оставшегося от предыдущего фильма. Ржавые борта, выбитые стёкла, запах старой гари и плесени. Идеальное укрытие. Он остановился на секунду, чтобы перевести дух и оценить обстановку.

Площадка гудела, как растревоженный улей. Террористы перегруппировывались. Седой стоял возле главной камеры, которую оператор, трясущимися руками, направлял на заложников. Ещё двое боевиков вышли из машин и заняли позиции по периметру. Их было не меньше девяти. Возможно, десять. Слишком много для одного человека, даже для того, кто знает каждый гвоздь на этой площадке.

Но у Вадима был план. Не чёткий, не продуманный до мелочей, а зыбкий, как туман над утренним шоссе. Он строился на том, что террористы не знают его возможностей. Они видят перед собой съёмочную группу — людей, которые привыкли создавать иллюзию. Они не видят того, кто сам был иллюзией все эти годы.

Тот, кто двигался в тени, сейчас сам становился тенью.

Он добрался до склада. Внутри пахло канифолью, сухим льдом и металлической пылью. Глаза быстро привыкли к полумраку. Вот они — ящики с маркировкой «Пиротехника. Осторожно». Он знал, где лежит тот самый заряд, который должен был снести ворота в финальной сцене, но из-за изменения раскадровки остался неиспользованным. Тяжёлый цилиндр с электродетонатором и радиоуправлением. Вадим присел, поднял крышку. Пальцы привычно легли на прохладный металл.

Он вытащил заряд и покрутил в руках. Слишком мощный, чтобы использовать его сейчас — можно задеть заложников. Но можно было разобрать его, вынуть детонатор и сделать нечто другое. Вадим осмотрелся. На стеллаже лежали мотки стального троса, карабины, блоки. То, что нужно.

В его голове складывалась сцена. Он вспомнил, как Герман Борисович любил повторять: «Любая сцена — это геометрия. Если правильно расставить углы и точки, получится идеальный кадр». Вадим решил применить эту логику. Только вместо света и тени — жизнь и смерть. Вместо актёров — боевики. Вместо дубля — один-единственный шанс.

Он выглянул из склада. Двое террористов шли в его сторону, широко расставив руки на автоматах, стволы смотрели в землю. Они шли медленно, с ленцой людей, уверенных в полной безнаказанности. Тот, что справа, был высокий, с длинными руками, похожий на пловца. Тот, что слева, — коренастый, с бочкообразной грудью и короткой шеей. Оба в масках. Оба с оружием, готовым к бою, но не взведённым. Беспечность, которая их погубит.

Вадим отступил в глубь склада, к дальней стене. Он слышал их шаги, хруст мелкого щебня под подошвами. Они шли прямо к входу. Он присел за высокий деревянный стеллаж,

заваленный бутафорскими автоматами и гранатами. Настоящее оружие прижал к груди. Боль в плече отозвалась тупой пульсацией, но он заставил себя дышать ровно.

Первый боевик вошёл внутрь, огляделся. Его взгляд скользнул по ящикам, по пыльному полу, по свисающим с потолка тросам. Второй остался у входа, привалившись спиной к косяку, лениво зевая.

— Пусто, — сказал первый в рацию. — Тут хлам для их кино.

Вадим ждал. Он знал, что высокий пройдёт дальше, к дальней стене, где лежали осветительные приборы. Так бы поступил любой, кто хочет проверить помещение. И он не ошибся.

Высокий сделал несколько шагов вперёд, к светлому пятну от выбитого окна. Именно там Вадим натянул трос — почти невидимый в полумраке, на уровне голени. Ещё секунда — и тяжёлый ботинок зацепился за преграду. Боевик с глухим вскриком рухнул вперёд, выставив руки, чтобы смягчить падение, и выронил автомат. В тот же миг Вадим выскочил из-за стеллажа.

Он не стрелял. Зачем шуметь? Он ударил прикладом по затылку упавшего — короткий, резкий удар. Хруст, приглушённый стон, и тело обмякло. Второй боевик, услышав шум, дёрнулся от косяка, вскидывая автомат. Но Вадим уже метнул в него бутафорскую гранату — тяжёлый металлический шар с декоративными кольцами. Снаряд ударил боевика в грудь, сбив дыхание, и тот, отшатнувшись, нажал на спусковой крючок. Очередь прошла в потолок, выбив из бетона серую крошку.

Этих секунд хватило. Вадим бросился на него, выбил оружие ногой, провёл подсечку и обрушил удар кулака в висок. Коренастый закатил глаза и сполз по стене, оставляя на бетоне тёмный след.

Двое. Теперь их осталось семеро.

Он быстро обыскал тела. Снял разгрузку с одного, запасные магазины со второго. Связал обоих тем самым тросом, которым воспользовался как растяжкой, и заткнул рты кляпами из их же подшлемников. Если очнутся — поднять тревогу не смогут.

В наушнике снова голос седого:

— Четвёртый, что там у тебя? Почему стрельба?

Вадим нажал тангенту и, изменив голос, проговорил:

— Показалось. Тень. Чисто.

Седой помолчал.

— Возвращайтесь на позиции. И без самостоятельности.

Вадим выдохнул. Пока срабатывало. Но он понимал: эта игра в прятки не может длиться вечно. Рано или поздно они поймут, что их люди не выходят на связь. Нужно ускоряться.

Он взял с собой ещё один моток троса, набор карабинов и два пиротехнических заряда. Всё это рассовал по карманам и за пояс. Теперь он был похож на странного монтажника, но ему было плевать. Весь этот хлам должен превратиться в оружие.

Площадка просматривалась с трёх сторон. Основная группа террористов — четверо — находилась возле машин и камеры. Седой командовал. Ещё трое, по его прикидкам, рассредоточились по дальним секторам, возможно, ушли к воротам и к трейлерам, где могли прятаться члены группы.

Вадим перебрался за остов автобуса, затем — к груде бетонных плит. Отсюда хорошо видно, как оператор, бледный как полотно, наводит объектив на заложников. Герман Борисович стоит на коленях, руки за головой. Ставинский — неестественно прямой, с закрытыми глазами, будто надеется, что всё происходящее — сцена, которую скоро прервёт команда «Снято!». Марина сидит рядом с осветителем, прижимая к груди чью-то кепку.

Вадим перевёл взгляд на пиротехнический пульт, который всё ещё валялся возле режиссёрского кресла. Террористы, кажется, не обратили на него внимания. Слишком похож на обычный ящик с проводами. А зря. В нём оставалось ещё три активированных канала. Вадим

знал, что заряд номер пять заложен под старым конвейером, в двадцати метрах от того места, где сейчас стоял седой. Если нажать кнопку — будет эффектно. Но опасность для заложников сохранялась. Нужно было выманить террористов дальше, к краю площадки.

Он отполз к грузовику, припаркованному за декорацией, изображающей офисное здание. В кузове оставались костюмы, шлемы, манекены для массовки. Вадим приоткрыл борт и вытащил один из манекенов, одетый в такой же тёмный костюм, как у боевиков. Находка отличная. Он натянул на манекен разгрузку, всунул в руки муляж автомата и привязал трос к поясу.

Затем он скользнул в тень эстакады, держа в руках конец троса. Нужно было, чтобы манекен появился на открытом пространстве ровно на секунду, не больше. Достаточно, чтобы кто-то из террористов заметил движение и подал сигнал.

Вадим дёрнул трос. Манекен выскочил из-за угла, качнулся, как живой, и тут же скрылся. Раздался крик:

— Вон там! За ангаром! Движение!

Двое боевиков рванули к указанному месту. Седой крикнул им остановиться, но они уже бежали, пригибаясь, с автоматами наизготовку. Их фигуры мелькнули между металлическими опорами и растворились за поворотом.

Вадим был уже не там. Он забрался на бетонный парапет, тянувшийся вдоль склада. Отсюда он видел, как двое боевиков осторожно подходят к месту, где исчез манекен. Они ждали засады, а нашли лишь неподвижный манекен с бутафорским оружием. Пауза. Замешательство. Этого он и добивался.

Он спрыгнул с парапета, оказавшись между ними. Удар ногой в колено первому — тот взвыл и осел. Второй обернулся, но Вадим уже был рядом. Захват за шею, рывок вниз, удар коленом в лицо. Хруст. Боевик обмяк, роняя автомат. Первый, преодолевая боль, потянулся за оружием. Вадим наступил ему на руку — с хрустом. Затем короткий удар в основание черепа. Готово.

Ещё минус двое.

Он посмотрел на небо. Солнце начало клониться к закату, тени удлинялись. Время работало против него, но сейчас он был сильнее, чем в начале. Он был в своей стихии. Вся площадка — его декорация. Вся толпа террористов — статисты, которым он готовил роль на выбывание.

В рации раздался встревоженный голос:

— Командир, слышишь? У нас проблемы. Люди не выходят на связь. Кто-то режет нас по одному.

Седой ответил не сразу. В его голосе впервые прорезались нотки гнева:

— Всем вернуться к центральной точке. Немедленно. Заложников согнать в круг. Если кто-то дёрнется — стрелять без предупреждения.

Вадим понял: следующий ход будет решающим. Террористы больше не дадут ему возможности действовать из тени. Они стянут всех в центр и выставят живой щит. Нужно было атаковать раньше, чем они сомкнут кольцо.

Он бросился к режиссёрскому креслу, где валялся пульт. Короткими перебежками, укрываясь за декорациями. Когда он добрался, сердце стучало где-то в горле. Он схватил пульт, откинул крышку. Три зелёных индикатора. Три заряда, готовых к подрыву. Его план созрел окончательно.

Первый заряд — под старым конвейером, как раз на пути основной группы. Второй — возле ворот, где стоял один из внедорожников. Третий — в дальней части, у бутафорской стены. Если подорвать первый и второй одновременно, начнётся хаос. В дыму и пламени он выведет седого, а остальных, если повезёт, заставит отступить.

Но риск был огромен. Взрывные волны могли задеть заложников. Даже если они находятся в двадцати метрах, осколки бетона и металла разлетятся веером. Нужно было что-то,

что отвлечёт террористов от группы людей, даст им шанс упасть на землю, спрятаться за декорациями.

Он оглянулся. Марина поймала его взгляд. Она всё ещё сидела с краю, у самой стенки из ящиков. Вадим показал ей два пальца, затем прижал ладонь к земле. Она поняла: лечь. Она что-то быстро зашептала сидящим рядом. Герман Борисович, услышав, приподнял голову и едва заметно кивнул.

Вадим нажал на первый тумблер.

Грохот прокатился по площадке, как раскат грома. Столб огня взметнулся возле старого конвейера, в двадцати метрах от основной группы террористов. Земля дрогнула. В воздух полетели куски бетона и искры. Через полсекунды — второй взрыв, у ворот. Один из внедорожников подбросило, перевернуло на бок.

Крики. Паника. Террористы заматались, кто-то открыл беспорядочную стрельбу в сторону огня. Заложники по команде Марины бросились на землю, прикрывая головы руками.

Вадим был уже на ногах. Он выскочил из-за укрытия и побежал не от взрывов, а сквозь дым, как делал это сотни раз на съёмках. Глаза щипало, лёгкие забивало гарью, но он знал маршрут до сантиметра. Три шага влево, перепрыгнуть через опрокинутый софит, затем — за ржавый каркас, туда, где стоял седой.

Седой не паниковал. Он стоял, пригнувшись, с пистолетом в руке, и орал команды, пытаясь перекричать вой пламени. Вадим вышел из дыма у него за спиной, как призрак.

Седой обернулся слишком поздно. Вадим ударил его ногой по запястью — пистолет улетел в сторону, загремел по бетону. Седой оказался быстрее, чем можно было ожидать. Он не отшатнулся, а шагнул вперёд, выбрасывая кулак в челюсть. Вадим едва успел подставить плечо. Удар вышел тяжёлым, отозвался болью в уже ноющем плече.

Они сошлись вплотную. Седой был ниже, но мощнее, с железной хваткой. Борьба шла без правил, жёсткая, как уличная драка. Вадим пропустил удар в корпус, потом ещё один — в скулу. В глазах вспыхнули искры, но он устоял. Он перехватил руку противника, вывернул её, заходя за спину, и обрушил локоть ему на затылок. Седой застонал, но не упал. Вместо этого он резко подался назад, впечатав затылок в лицо Вадима. Боль взорвалась в носу, тёплая кровь потекла на губы.

Вадим, ослеплённый яростью и болью, ухватил седого за ворот разгрузки и швырнул в сторону горящего внедорожника. Тело грохнулось о капот, соскользнуло на землю. Седой попытался подняться, но Вадим уже был над ним. Он ударил ногой по рёбрам, потом ещё раз, вкладывая в каждый удар все четыре месяца унижения, всю злость на Ставинского, на съёмочную группу, на самого себя.

— Ты хотел снять кино? — прохрипел он, наклоняясь к уху врага. — Смотри. Это твой последний дубль.

Он вытащил из кармана последний пиротехнический заряд — маленький, но мощный, — и сунул его под разгрузку седого, не включая детонатор. Затем оттащил ослабленного противника к опоре эстакады, пристегнул его наручником к ржавой трубе и сорвал с него рацию.

— Твои люди сейчас разбегутся, — сказал он, тяжело дыша. — А ты останешься здесь. И будешь смотреть, как горит твой спектакль.

Седой поднял мутный взгляд. В его глазах не было страха — только холодная ненависть.

— Ты покойник, — прошептал он разбитыми губами. — Ты не знаешь, с кем связался.

— Зато ты не знаешь, кто я, — ответил Вадим, вытирая кровь с лица. — Я человек, который делает невозможное.

Он отступил в дым, оставив главаря прикованным. В наушнике, снятом с его рации, ещё звучали отчаянные крики боевиков, попавших под перекрёстный огонь собственных иллюзий. А Вадим уже бежал к группе заложников, которые, прижавшись к земле, ждали своего спасителя.

Глава 2. Тени и искры

Дым стелился по бетону, как живое существо, обволакивая опрокинутые софиты, разбросанные кабели и тела тех, кто ещё несколько минут назад был уверен в полном контроле над ситуацией. Вадим бежал, пригибаясь, перепрыгивая через обломки декораций и осколки стекла, хрустевшие под подошвами. Кровь из разбитого носа стекала на губы, солёный привкус металла не давал забыть о схватке с седым. Он знал: передышка будет короткой. Оставшиеся боевики, если они ещё живы, не станут разбегаться, поджав хвосты. Судя по всему, это профессионалы, а профессионалы не прощают потерь.

Он достиг места, где сбились заложники. Люди лежали вповалку, прижимаясь друг к другу, словно испуганные овцы в загоне. Кто-то плакал, кто-то шептал молитвы, кто-то просто молчал, глядя в одну точку остановившимися глазами. Марина, стоявшая на коленях у края группы, обернулась на звук шагов и вздрогнула, но, узнав Вадима, облегчённо выдохнула.

— Ты... ты живой, — проговорила она одними губами, и в её глазах блеснули слёзы. — Господи, я думала, всё кончено...

— Рано радоваться, — Вадим присел рядом, быстро оглядываясь по сторонам. Его взгляд скользнул по лицам: Герман Борисович, приходящий в себя после шока, судорожно сжимал руку ассистента; оператор с разбитым объективом сидел, прижимая к груди камеру, как ребёнка; Ставинский лежал ничком, не шевелясь, только спина его вздрагивала — то ли от рыданий, то ли от страха. — Слушай меня внимательно. Террористов осталось человек пять, может, шесть. Главара я обезвредил, но остальные ещё здесь. Они будут злее, чем раньше. Нам нужно уходить.

— Куда? — шёпотом спросил Герман Борисович, поднимая седую голову. — Ворота заблокированы. Машины горят. Они нас перестреляют, как только мы высунемся.

Вадим покачал головой, прикидывая варианты. Режиссёр был прав: открытое пространство перед заводом — это смертельная ловушка. Но и оставаться на месте нельзя. Он вспомнил, что за старым складом был подземный технический коллектор, которым пользовались рабочие, чтобы не ходить через двор. Туда вела ржавая дверь, спрятанная за грудой мусорных баков. Идея показалась ему единственно верной.

— Есть один путь, — сказал он, понизив голос. — Коллектор под заводом. Я видел его на плане, когда мы искали локацию. Он выходит к оврагу за забором, почти у самой трассы. Если пройти тихо, можно уйти незаметно.

— Мы не знаем, в каком он состоянии, — засомневался Герман Борисович. — Вдруг обрушен? Или затоплен?

— Лучше рискнуть, чем ждать, пока нас расстреляют, — отрезал Вадим, поднимаясь. — Поднимайте людей. Быстро. Без шума.

Марина начала тихо, но настойчиво расталкивать заложников, помогая им встать. Кто-то из девушек-гримеров никак не мог унять дрожь, ноги её подкашивались. Вадим подхватил её под локоть, поставил на ноги.

— Слушайте все, — произнёс он негромко, но внятно, так, чтобы слышал каждый. — Мы идём к юго-восточному углу, к ржавой двери за мусорными баками. Идём цепочкой, низко, не бежим. Каждый держится за плечо впереди идущего. Никаких паник, никаких криков. Если кто-то споткнётся — помогаем. Движение начинаем через десять секунд.

Толпа зашевелилась, стягиваясь в неровную колонну. Люди хватались друг за друга, как за спасительную соломинку. Ставинский, наконец, поднял голову. Лицо его было серым, под глазами залегли тени, губы тряслись. Он посмотрел на Вадима мутным взглядом, в котором смешались страх, зависть и что-то ещё, трудноопределимое.

— Ты... ты же не бросишь нас, — прошептал актёр, хватая Вадима за рукав. — Ты должен вытащить меня отсюда. Я не могу умереть здесь. У меня контракт, у меня премьера...

Вадим высвободил руку резким движением.

— Иди, — сказал он холодно. — И держи рот закрытым. Если будешь ныть, оставлю здесь.

Ставинский обиженно поджал губы, но спорить не стал. Поднявшись, он поплёлся в хвост колонны, стараясь держаться ближе к Марине.

Вадим пошёл первым. Он двигался не быстро, но уверенно, прижимаясь к стенам, используя каждую тень, каждый выступ. Автомат висел на ремне, ствол смотрел вниз. Палец лежал на спусковой скобе. В любой момент из дыма могли вынырнуть силуэты с оружием, и тогда — только стрелять. Он не имел права ошибиться.

За спиной тихо поскрипывали подошвы, шуршала одежда, чьё-то дыхание сбивалось на всхлипы. Но никто не кричал, и это уже было победой. Они прошли мимо опрокинутого генератора, мимо груды проводов, мимо догорающего внедорожника, от которого пахло палёной резиной и бензином. Дым поредел, но всё ещё стлался по земле, скрывая ноги идущих.

Наконец показалась та самая ржавая дверь. Она была приоткрыта, но вокруг неё валялись кирпичи, куски арматуры, какой-то мусор. Вадим поднял руку, останавливая колонну. Подошёл к двери, потянул за ручку. Металл заскрипел, звук резанул по нервам.

— Шевелитесь, — скомандовал он. — По одному. Внутри темно, держитесь за стены. Я подстрахую сзади.

Люди начали нырять в чёрный проём, исчезая в темноте. Сначала гримерши, потом звукорежиссёр с катушкой кабелей, затем ассистенты, операторы. Герман Борисович задержался, взглянул на Вадима.

— Спасибо, — тихо сказал он. — Я был не прав в тебе. Ты не просто каскадёр. Ты настоящий режиссёр этого безумия.

Вадим усмехнулся краешком губ, но отвечать не стал. Он подтолкнул режиссёра к двери, затем жестом велел Марине идти следующей. Она задержала на нём взгляд.

— Ты не собираешься идти с нами? — спросила она, и в голосе её прозвучала тревога.

— Я прикрою, — ответил он. — Как только все окажетесь внутри — бегите по тоннелю до конца. Там будет решётка. Отожмите её, я оставил у стены лом.

— А ты? — настаивала она.

— Я догоню. Иди.

Она шагнула в темноту, и последним, кого Вадим увидел в проёме, был Ставинский, который на мгновение обернулся. В его глазах читался животный страх, но и что-то ещё — жгучая, невыносимая обида на человека, который посмел оказаться сильнее его.

Дверь закрылась. Вадим остался один.

Тишина после ухода людей показалась оглушительной. Только потрескивал огонь в подожжённом внедорожнике да где-то капала вода. Он прислонился к ржавой стене, переводя дыхание, и вдруг услышал в наушнике голос:

— Командир, ответь. Командир, приём.

Он забыл выключить рацию седого. Голос принадлежал одному из боевиков — судя по интонации, растерянному, но ещё не сломленному. Вадим медленно поднёс тангенту ко рту.

— Командир мёртв, — произнёс он нарочито спокойно. — Ваши люди перебиты. Заложники уходят. Советую убираться, пока целы.

В ответ — тишина. Потом щелчок. И тихий, ледяной голос другого человека, не того, что спрашивал:

— Ты, каскадёр. Ты думаешь, что победил? Нет. Ты просто разозлил нас сильнее. Мы знаем, кто ты. Мы знаем, где ты живёшь. И мы достанем тебя, даже если сегодня ты уйдёшь.

Вадим почувствовал, как по спине пробежал холодок. Этот голос не был напуган. Он был полон какой-то жуткой, расчётливой решимости. Но страх — непозволительная роскошь. Он снова нажал тангенту.

— Попробуйте.

Затем он сорвал с себя наушник, бросил его на землю и растоптал каблуком. Хватит переговоров. Нужно было уходить, но перед этим — убедиться, что погони не будет.

Он обошёл территорию двора, проверяя секторы. Террористы, оставшиеся в живых, видимо, отступили к дальним воротам, за пределы площадки. Вадим не знал, сколько их осталось и куда они делись. Возможно, они затаились где-то в тених, ожидая, когда он выйдет. Возможно, побежали за подкреплением. В любом случае оставаться на месте было нельзя.

Он направился к коллектору, но не стал заходить внутрь сразу. Присел у входа, осмотрелся. Вокруг — ни души. Только ветер трепал обрывки плакатов с изображением Ставинского в роли супергероя. Ирония судьбы. Человек, ради которого затевались все эти съёмки, оказался самым бесполезным в час испытаний.

Вадим шагнул в черноту тоннеля и плотно прикрыл за собой дверь. Внутри пахло сыростью, плесенью и чем-то затхлым. Где-то впереди слышались шаги уходящих людей, их шёпот, капли воды падали откуда-то сверху. Он двинулся за ними, держась рукой за влажную стену, чтобы не оступиться.

Тоннель оказался уже, чем он предполагал. Стены из старого красного кирпича, местами осыпавшегося, пол — бетонная стяжка с трещинами. Пахло крысами и ржавчиной. Потолок нависал так низко, что высокому человеку пришлось бы идти в полуприсядь. Но Вадим не жаловался. В темноте, среди запахов разложения, он чувствовал себя почти как дома. Здесь, внизу, не было ни камер, ни софитов, ни фальши. Только сырой воздух и пульсирующая в висках кровь.

Он догнал группу возле поворота. Люди жались друг к другу, не решаясь идти дальше. Причина выяснилась быстро: путь преграждала обрушившаяся балка, перегородившая проход. Сверху свисали обломки, из-под которых торчали обрывки арматуры.

— Дальше не пройти, — растерянно произнёс звукорежиссёр, показывая на завал. — Нужно возвращаться.

— Нельзя возвращаться, — резко сказал Вадим, подходя ближе. Он осмотрел завал, потрогал балку. Поддалась. — Разгребайте завал. Тихо. Камни кладите в сторону.

Люди принялись разбирать обломки, передавая куски кирпича по цепочке. Вадим работал впереди, вытаскивая самые тяжёлые куски. Через несколько минут проход был расчищен настолько, что можно было пролезть по одному.

Он пропустил всех вперёд, сам пошёл последним. Когда он протискивался между стеной и балкой, та предательски скрипнула, и на голову посыпалась кирпичная крошка. Вадим рванулся вперёд, вывалившись на свободное пространство, и тут же обернулся. Балка с грохотом осела, полностью перекрыв проход. Путь назад был отрезан.

— Вот и всё, — мрачно констатировал Герман Борисович. — Теперь только вперёд.

— Значит, вперёд, — бросил Вадим, отряхиваясь от пыли.

Тоннель становился шире, потолок поднимался. Появились боковые ответвления, запертые ржавыми решётками. Где-то слышался шум воды — видимо, подземный ручей. Вскоре они вышли в небольшое помещение, похожее на старый насосный зал. Стены здесь были облицованы кафелем, местами отвалившимся, на потолке висели обрывки кабелей.

— Стойте, — Вадим поднял руку.

Впереди, у дальней стены, он заметил движение. Метнулась тень, потом ещё одна. Крысы. Крупные, жирные, с блестящими глазами. Они разбежались при появлении людей, исчезнув в норах.

— Ненавижу крыс, — пробормотала одна из гримерш, вздрагивая.

— Это меньшая из наших проблем, — отозвался Вадим. Он подошёл к ржавому щиту, висевшему на стене. На нём сохранилась старая схема коммуникаций. Вгляделся. Да, вот оно. Обозначение выхода к оврагу. Ещё метров двести.

— Осталось немного, — сказал он, оборачиваясь к группе. — Последний рывок.

Люди приободрились, зашептались. В этот момент из дальнего ответвления донёсся звук, от которого у всех разом перехватило дыхание. Шаги. Тяжёлые, уверенные. И лязг передёргнутого затвора.

— Вперёд! Живо! — скомандовал Вадим, вытаскивая автомат.

Заложники бросились по тоннелю, не разбирая дороги. Вадим прижался к стене у входа, вскинул оружие. В темноте блеснул луч фонаря, заметался по стенам. Потом ещё один. Кто-то шёл по их следу, освещая путь.

— Стой! Стрелять буду! — раздался крик.

Вадим выстрелил первым. Короткая очередь по лучу. Фонарь погас, послышался вскрик, звук падения. Второй луч метнулся в сторону, и в тот же миг в ответ загремели выстрелы. Пули защелкали по кирпичу, выбивая крошку. Вадим отпрянул, сменил позицию, перекатился за старый насос.

Он знал, что бой в замкнутом пространстве — худшее, что могло с ним случиться. Здесь нет простора для манёвра, нет возможности использовать трюки. Только тьма, стены и свинцовый дождь. Но он был готов. Он ждал этого с того самого момента, как понял, что за ним идут.

Второй боевик открыл плотный огонь, не давая поднять голову. Пули рикошетили от стен, высекая искры. Вадим прислушался. Стрелок двигался, приближался. Он посчитал паузы между очередями. Раз, два, три... Перерыв. Рванувшись вбок, Вадим выскочил из-за укрытия и дал длинную очередь в то место, откуда стрелял противник. Раздался крик, и стрельба прекратилась.

Он осторожно подошёл, держа оружие наготове. На полу лежал человек в чёрном. Автомат валялся рядом. Он был мёртв. Вадим забрал его фонарик, посветил в тоннель. Пусто.

Но он знал: эти двое — не последние. Остальные могли зайти с другой стороны, отрезав выход к оврагу. Нужно было спешить.

Он побежал по тоннелю, догоняя группу. Люди уже достигли выхода. Решётка была открыта, но за ней, вместо свободы, их ждал крутой склон, поросший сухим бурьяном. Ночь опустилась на овраг, звёзды проступали на тёмном небе. Вдалеке шумела трасса.

— Выбирайтесь! Быстро! — крикнул Вадим, подталкивая замешкавшихся.

Первым полез Герман Борисович, за ним Марина, потом остальные. Вадим замыкал группу, помогая тем, кто оступался. Когда последний человек оказался наверху, он обернулся. Из тоннеля доносились новые звуки: голоса, шаги. Преследователи приближались.

— Уходим! В лес! — скомандовал он, указывая на тёмную полосу деревьев за оврагом.

Люди, спотыкаясь, побежали вниз по склону, к спасительной чаще. Вадим остался на месте, глядя в чёрный провал тоннеля. В его душе боролись два чувства: желание остаться и уничтожить всех, кто посмел посягнуть на его мир, и трезвое понимание, что сейчас важнее вывести людей.

Он вытащил из кармана последний пиротехнический заряд, тот самый, что не успел использовать. Взгляд упал на ржавую решётку, на каменный свод. Если обрушить вход, погоня захлебнётся.

Он воткнул заряд в щель между камнями, активировал детонатор. Затем резко развернулся и бросился вниз по склону, к деревьям. За спиной, через несколько секунд, грохнул взрыв. Земля содрогнулась. Свод тоннеля обрушился, подняв столб пыли и щебня.

Он догнал группу уже на опушке. Люди попадали на землю, тяжело дыша. Кто-то плакал, кто-то смеялся истерически. Ставинский сидел, обхватив голову руками, и раскачивался из стороны в сторону.

— Всё, — выдохнул Вадим, опускаясь на колени рядом с Мариной. — Они не пройдут. Марина подняла на него глаза. В них больше не было страха. Только усталость и безмерная благодарность.

— Ты спас нас, — прошептала она. — Ты не просто каскадёр. Ты настоящий герой.

Вадим покачал головой, глядя на догорающий вдали завод, на чёрный дым, поднимающийся к звёздам.

— Нет, — сказал он. — Я просто делал свою работу.

Он посмотрел на свои руки. Кровь, грязь, ссадины. Но впервые за долгое время это была его собственная кровь, пролитая за тех, кто рядом. И это было правильно.

Где-то на трассе послышались звуки сирен. Приближалась помощь. Но Вадим понимал: эта ночь ещё не окончена. Главарь остался жив. И те, кто стоял за ним, тоже. Игра только началась. Сирены были всё ближе, разрывая тишину, повисшую над лесом. Вадим не двигался. Он стоял на коленях, глядя на догорающий завод, на столб дыма, подсвеченный оранжевыми всполохами. Впервые за долгие минуты он позволил себе просто дышать, не оценивая траектории пуль, не просчитывая маршруты отхода. Грудь тяжело вздымалась, лёгкие горели от бега и едкого дыма. Рядом, на пожухлой траве, сидели люди, которых он знал много лет, но сейчас они казались ему чужими — настолько изменила их минувшая ночь. Кто-то плакал навзрыд, кто-то молча раскачивался, обхватив себя за плечи. Кто-то, кажется, молился.

Первым голос подал Герман Борисович. Он сидел, прислонившись спиной к берёзе, и вытирал лицо грязным платком.

— Надо уходить дальше от завода, — прохрипел он. — Если они выжили... они могут выйти через другие выходы. Тут небезопасно.

Вадим покачал головой.

— Отсюда не видно входа, но мы на открытом склоне. Лучше отойти за деревья, но не дальше. Полиция уже едет. Нам нужны свидетели, нужна помощь. Если мы разбежимся, будет хуже.

Марина, сидевшая рядом с ним, подняла взгляд. Её лицо было перепачкано копотью, волосы растрепались, но в глазах светилась негибаемая воля.

— Ты прав, — сказала она. — Мы должны остаться. Но нужно подготовиться. Вдруг они выйдут с другой стороны.

Вадим кивнул. Он поднялся, отряхнул колени и оглядел группу. Люди смотрели на него с надеждой, страхом и чем-то ещё, что рождается только в минуты смертельной опасности — с доверием. Доверием к тому, кто уже однажды вытащил их из ада.

— Всем отойти вон за те кусты, — он указал на густой ельник метрах в пятнадцати. — Ложитесь, не высовывайтесь. Я посмотрю, что происходит у выхода.

— Я с тобой, — вызвалась Марина, поднимаясь.

— Нет. Останься с людьми. Если что, бегите к трассе, не оглядываясь.

Она хотела возразить, но встретила его твёрдый взгляд и осеклась. Лишь коротко кивнула и начала собирать людей, помогая им подняться и дойти до укрытия.

Вадим двинулся обратно к оврагу, откуда они только что выбрались. Ночь сгустилась, но глаза уже привыкли. Он шёл осторожно, держа автомат наготове, стволом вниз, палец на предохранительной скобе. Каждый шаг отдавался в висках, но он заставлял себя двигаться тихо. Где-то рядом, в подлеске, треснула ветка. Он замер, прислушался. Тишина. Только отдалённый гул машин на трассе и потрескивание далёкого пожара.

Он подошёл к краю оврага и лёг на живот, вглядываясь вниз. Вход в коллектор, точнее то, что от него осталось, был завален грудой камней и щебня. Из щелей поднимался лёгкий дымок. Если кто-то и был в тоннеле в момент взрыва, он либо погиб, либо оказался замурован. Вадим надеялся на первое.

Но из оврага доносился и другой звук — тихий, едва уловимый. Шорох. Будто кто-то карабкался по склону в стороне от основного завала. Вадим затаил дыхание, вглядываясь в темноту. Вот оно. Тень, скользнувшая между кустами у подножия оврага. Человек, припадая к земле, двигался в сторону леса, противоположную от группы. Вадим плавно приподнялся, но не стал стрелять — звук выстрела мог привлечь внимание. Вместо этого он пополз следом, используя траву и неровности рельефа.

Человек двигался неуверенно, спотыкаясь, припадая на одну ногу. Похоже, он был ранен. Вадим сократил дистанцию, выжидая момент. Когда тень остановилась, чтобы перевести дух, он бросился вперёд. Один прыжок — и он уже на спине противника. Захват за шею, рывок назад. Человек захрипел, попытался вывернуться, но Вадим держал крепко.

— Тихо! — прошипел он в ухо. — Кто ты? Откуда?

— Руки... руки убери... — прохрипел незнакомец. — Я свой... я из группы... осветитель... Лёха...

Вадим ослабил хватку, но не отпустил. Развернул человека лицом к себе. Бледное, перекошенное от боли лицо. Это действительно был Лёха, помощник осветителя, парень лет двадцати пяти, с вечно взлохмаченными волосами и сигаретой в зубах. Он был на площадке с самого утра, но в момент захвата Вадим его не заметил.

— Лёха, чёрт тебя дер! — выдохнул Вадим, отпуская его. — Ты как здесь?

— Я... я спрятался в генераторной, когда они вошли. Потом услышал стрельбу, взрывы... Вылез, а тут дым, все бегут... Я и рванул следом, но в овраге ногу подвернул. Еле доковылял.

Вадим оглядел его. Одежда порвана, на щеке ссадина, рука висит плетью. Но живой. Ещё один спасённый.

— Идти можешь? — спросил он.

— Могу... вроде, — прохрипел Лёха, морщась. — Только не быстро.

— Держись за меня.

Вадим подхватил парня под руку и повёл к группе. По пути он постоянно оглядывался, ожидая погони, но лес был тих. Только совы перекликались где-то вдалеке да шум трассы становился ближе.

Когда они добрались до ельника, Марина первой заметила их и бросилась навстречу.

— Лёха! Господи, ты живой! — она обняла парня, и тот зашипел от боли. — Прости, прости...

— Нормально всё, — выдавил он, пытаясь улыбнуться. — Поживу.

Вадим опустился на землю, чувствуя, как ноги наливаются свинцовой усталостью. Он прикрыл глаза на мгновение, но тут же открыл — в голове крутились обрывки мыслей, не давая расслабиться. Террористы, главарь, загадочные слова о том, что он, Вадим, теперь мишень. Кто они? Чего хотели? Обычные захватчики заложников не действуют так слаженно и не имеют столько оружия. Здесь что-то глубже. Возможно, заказ. Или месть. Или что-то, связанное с этим фильмом, с продюсерами, с кем-то из группы.

Он открыл глаза и посмотрел на Ставинского. Тот сидел в стороне, сгорбившись, и нервно покусывал губы. Время от времени он бросал взгляды на Вадима, но тут же отводил, словно стыдясь. Или злясь. Сложно было понять.

Вскоре на опушку вышли люди в форме. Полицейские, несколько машин с мигалками, скорая. Началась суматоха: проверка документов, вопросы, медицинская помощь. Вадим стоял в стороне, отвечая коротко и сухо. Он рассказал, что произошло, но без лишних деталей. Оставил при себе и то, что обезвредил нескольких боевиков, и то, что главарь остался жив, и уж тем более то, что ему угрожали. Всё это он решил обдумать позже, без свидетелей.

Майор полиции, немолодой мужчина с усталыми глазами и седыми усами, отвёл его в сторону.

— Вы Вадим, каскадёр? — уточнил он, заглядывая в блокнот.

— Да.

— Хорошо. Нам нужно будет завтра снять с вас подробные показания. Сейчас — просто отметьте, кто был на площадке, кто пропал. Возможно, террористы уже покинули территорию, но мы должны быть уверены.

— Я понимаю.

— И ещё, — майор понизил голос. — Есть информация, что среди нападавших был человек без маски. Седой. Вы его видели?

Вадим медлил долю секунды.

— Видел. Он командовал. Могу описать подробно.

— Позже. Сейчас поезжайте в город, вам окажут помощь. Мы выставим оцепление. Завтра ждём вас в отделе.

Вадим кивнул. Он уже решил, что ночевать поедет к себе, но не потому, что хотел спать. Ему нужно было время, чтобы всё обдумать. А ещё — проверить одну догадку, которая занозой засела в мозгу.

Когда скорая помощь погрузила самых пострадавших, а остальных разместили в полицейских машинах, Вадим отказался ехать с ними. Сказал, что догонит сам. Никто не настаивал — возможно, просто не было сил. Марина уезжала последней. Она подошла к нему, когда остальные уже сели в транспорт.

— Ты точно в порядке? — спросила она, вглядываясь в его лицо.

— В порядке. Позвоню завтра.

Она сжала его руку.

— Спасибо тебе. За всех.

Он усмехнулся.

— Это было неплохое шоу, правда?

Марина не улыбнулась. Только покачала головой и, не говоря больше ни слова, ушла к машине.

Вадим остался один на опустевшей опушке. Ветер шевелил ветви, где-то ещё слышались команды полицейских, работающих на месте. Он поднял воротник куртки и медленно пошёл к трассе, где можно было поймать попутку или дойти до остановки. Город был недалеко, километров семь. Для человека, привыкшего к физическим нагрузкам, это не расстояние.

По дороге он думал. Думал о том, что сказал седой. «Ты не знаешь, с кем связался». Кто стоит за этим? Кому могла понадобиться столь жестокая акция на съёмках обычного боевика? Ответов не было. Но было одно подозрение, которое ему категорически не нравилось.

Он вспомнил, как за несколько дней до съёмок к Герману Борисовичу приезжали какие-то люди. Два здоровяка в дорогих костюмах и один шуплый, с портфелем. Они о чём-то долго разговаривали в трейлере режиссёра. Вадим тогда не придавал значения, но сейчас, прокручивая в памяти события, он понимал, что визит был странным. Никто из группы не знал, кто эти люди. Герман Борисович потом выглядел озабоченным, но ничего не объяснил.

Возможно, это связано. Возможно, террористы пришли не за славой или политическими требованиями. Возможно, их наняли, чтобы запугать продюсеров, сорвать съёмки, потребовать выкуп. Или что-то ещё, о чём пока можно только догадываться.

К утру он добрался до города. Улицы были пусты, фонари гасли один за другим. Он снял комнату в дешёвой гостинице на окраине — не хотел ехать домой, зная, что там могут ждать. Снял наличными, назвавшись чужим именем. Администраторша, сонная женщина с бигуди, даже не взглянула на документы. Только скользнула взглядом по его грязному лицу и протянула ключ.

В номере пахло плесенью и старыми обоями. Вадим запер дверь, задернул шторы и сел на кровать, не раздеваясь. Автомат он спрятал под подушку, предварительно вынув магазин

и проверив патронник. Потом достал мобильный телефон, который чудом уцелел в кармане. Экран треснул, но работал.

Он набрал номер. Гудки. Один, второй, третий.

— Алло, — раздался в трубке хриплый, заспанный голос.

— Петрович, это Вадим. Не спишь?

— Спал. Ты чего в такую рань?

— Дело срочное. Ты можешь достать информацию по одному человеку? Без лишних вопросов.

Пауза.

— Ты же знаешь, я давно не у дел. Но для тебя — попробую. Кто такой?

— Седой, лет пятидесяти, коренастый, шрам на левой щеке. Говорил по-русски без акцента. Командовал группой боевиков. Профессионал.

— Хм. Похож на отставника. Дай подумать. Перезвоню через час.

— Жду.

Вадим откинулся на подушку, глядя в потолок. Сон не шёл. В ушах всё ещё звучали выстрелы, крики, взрывы. Он закрыл глаза, и перед внутренним взором встала картина: он сам, в дыму, с автоматом в руках, и лицо седого, искажённое ненавистью. Это было похоже на сцену из фильма, который он когда-то снимал. Только теперь он был главным героем. И этот фильм ещё не закончен.

Через час телефон завибрировал.

— Говори, — коротко бросил Вадим.

— Есть один похожий, — голос Петровича звучал напряжённо. — Полковник в отставке, служил в спецназе. Уволен лет десять назад за превышение полномочий. После этого работал на частные военные компании. Кличка — Седой. Настоящее имя — Кротов Игорь Степанович. Слышал, что он собирал команду из отставников для каких-то тёмных дел. Но зачем он напал на вашу съёмку — ума не приложу.

Вадим крепче сжал телефон.

— Спасибо, Петрович. Этого достаточно.

— Будь осторожен, Вадим. Если это правда он, то ты влез в очень серьёзную историю. Эти люди не прощают.

— Знаю. Но и я не из тех, кто бежит.

Он отключил связь и уставился на треснувший экран. Значит, Седой — не просто бандит. За ним стоят серьёзные силы. И слова его о том, что Вадима «достанут», обрели ещё более зловещий смысл.

В дверь постучали. Три резких удара.

Вадим мгновенно скатился с кровати, выхватил автомат. Подкрался к двери, заглянул в глазок. На площадке стоял Ставинский. Бледный, взъерошенный, в перепачканном костюме, который уже не выглядел дорогим. Он нервно озирался по сторонам.

Вадим приоткрыл дверь, не убирая оружия.

— Как ты меня нашёл?

Ставинский вздрогнул, увидев ствол.

— Убери! Я... я просто шёл за тобой. С трассы. Видел, как ты садился на попутку. Мне нужно поговорить.

— Говори.

— Можно войти?

Вадим отошёл в сторону, пропуская его. Ставинский проскользнул в номер, огляделся с безразличным видом, но промолчал. Сел на край стула, сложив руки на коленях.

— Я знаю, кто эти люди, — выпалил он, понизив голос. — Вернее, знаю, почему они пришли.

Вадим медленно закрыл дверь на засов и обернулся.

— Ну-ка, поподробнее. И без вранья. Иначе я не посмотрю, что ты «звезда», и вышвырну тебя в окно.

Ставинский сглотнул, побледнел ещё сильнее.

— Я... я не хотел, чтобы всё так вышло. Всё должно было быть просто предупреждением. Продюсеры задолжали серьёзным людям. Тем, кто вложился в фильм. А когда кассовые сборы оказались под угрозой, они потребовали вернуть деньги. Продюсеры отказали. Тогда эти люди наняли Кротова, чтобы устроить показательный захват. Типа, если не отдадите деньги, мы устроим кровавую бойню в прямом эфире. Но они не должны были никого убивать. Только напугать.

Вадим слушал, и в нём закипала холодная ярость.

— Ты знал? Знал и молчал?

— Мне пригрозили! — Ставинский вскочил, но под дулом автомата снова сел. — Я не знал, что они придут именно сегодня. Я думал, это просто разговоры, давление. А когда началось... я испугался. Я не герой, Вадим. Я актёр. Я не умею стрелять, драться. Я умею только притворяться.

— Вот именно, — Вадим покачал головой. — Ты всю жизнь притворяешься. Даже сейчас. Ты пришёл сюда не для того, чтобы покаяться. Ты хочешь, чтобы я тебя защитил. Потому что эти люди теперь могут прийти и за тобой.

Ставинский опустил голову.

— Да. Но и тебе тоже нужно быть осторожным. Они знают, что ты сделал. Они не оставят это просто так.

Вадим подошёл к окну, отодвинул край шторы. Улица была пуста. Серый рассвет медленно разливался над городом.

— Значит, так, — сказал он, не оборачиваясь. — Ты сейчас пойдёшь в полицию и всё расскажешь. Всё, что знаешь про продюсеров, про Кротова, про заказчиков. Без утайки. Иначе я сам сдам тебя, и тогда ты окажешься уже не в киношной передрыге, а в реальной тюрьме.

— Но они же меня убьют! — взвился Ставинский.

— А я не дам, — отрезал Вадим. — Потому что ты — моя единственная зацепка. Пока ты нужен, я тебя прикрою. Но если ты снова попытаешься улизнуть или соврать... — он повернулся и посмотрел актёру в глаза. — То пеняй на себя.

Ставинский несколько секунд смотрел на него, потом медленно кивнул.

— Хорошо. Я... я расскажу. Но только если ты будешь рядом.

— Договорились. А теперь уходи. И не вздумай никому говорить, где я остановился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.